

Безумный изменение

Александр Буг

18+

Александр Вуд
Вечный свидетель

«Автор»

2026

Вуд А.

Вечный свидетель / А. Вуд — «Автор», 2026

Он умер и попал в свой личный ад: быть внутри самоубийц в их последние минуты. Она жива и готова умереть из любви к тому, кто не стоил её.
Кажется, что их встреча невозможна, но...

© Вуд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вечный свидетель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Вуд

Вечный свидетель

Вечный свидетель

Сознание вернулось внезапно, как сердце заводится от удара током. И выдернуло меня не из тьмы сна, а из абсолютного, беспросветного ничто. И сразу же последовала атака на все чувства. Резкий аромат дорогого коньяка, смешанный с запахом пота и оружейной смазки. Одновременно в груди растекается давящая тяжесть, будто на ней лежит бетонная плита. И звон. Высокий, противный звон в ушах, словно после взрыва.

Я открыл глаза и понял, что сижу в огромном кожаном кресле за массивным столом из тёмного дерева, заваленным бумагами. В панорамных окнах светится ночной город, сверкающий неоновыми огнями вывесок и рекламных объявлений. Но это не мой дом и не моё тело. Мои, нет, его руки лежат на столе. Широкие ладони переходят в пальцы-сосиски с коротко подстриженными ногтями и золотым обручальным кольцом на безымянном пальце. А если присмотреться, то видно, как они мелко дрожат.

«Что здесь происходит?» – попытался спросить я, но голос меня не послушался. Горло мне не подчинялось. Я не мог пошевелить ни одной частью тела, мог только наблюдать и чувствовать.

В голове зашумело, появились мысли и чьи-то воспоминания. Не мои. Чужие. Тяжёлые и липкие от паники.

«Завтра Они придут завтра Петрович сказал, что либо деньги, либо в реку с тазиком цемента А Катя с детьми в Швейцарии Не берут трубку. Конечно, не берут Всё кончено. Всё. Проще так. Проще»

Его звали Артём и по его мнению у него всё было кончено. Я ощущал это всей душой, и это был не просто страх, а приговор, вынесенный самому себе.

Взгляд Артёма упал на предмет, лежащий на столе поверх бумаг. Великолепное итальянское охотничье ружьё, двустволка вертикалка. И блеск её воронёной стали был неестественно ярок в свете настольной лампы. Его рука потянулась к оружию. Движение было медленным, как будто под водой. И когда пальцы обхватили холодное ложе, в этот момент пришло понимание где я. В теле того, кто решил уйти. И я был здесь не гостем, а пленником.

Паника, дикая и всепоглощающая, охватила меня. Нет! Я не хочу этого видеть! Не хочу чувствовать! Я попытался закричать, отодвинуться, вырвать контроль над телом, но я был лишь пассажиром в обречённом теле. Моё сознание билось, как птица в клетке, а тело Артёма жило свои последние, страшные минуты жизни.

Он встал, и я почувствовал, что его ноги были ватными. Подошёл к большому панорамному окну. С высоты видно, как город живёт своей жизнью: кто-то спешит домой, кто-то смеётся в кафе. Они живут и не знают, что здесь, на двадцатом этаже, человек готовится стать для кого-то всего лишь короткой строчкой в криминальной статистике за сутки.

«Прости, Катя Ребята» – пронеслось в нашей голове, и я почувствовал, как по щеке скатывается горячая слеза. Его горе было глубоким, отчаянным, но перемешанным со стыдом. Стыдом банкротства, который задолжал бандитам. И это была не романтическая драма, а жестокая трагедия, которую я должен был не смотреть из зала, а отыграть вместе с актёром.

«Нет! – завопил я внутри. – Остановись! Это не выход! Услышь меня!» Но мои крики тонули в рокоте его собственных мыслей.

Артём отвернулся от окна. Взгляд стал пустым, остекленевшим, а движения механическими. Он сел обратно в кресло, предварительно повернув его спиной к двери, лицом к окну. Его пальцы нащупали рычаги взвода курков. Глухой, металлический щелчок. Ещё один.

Холодный срез ствола упёрся под нижнюю челюсть. Идеально отшлифованный металл охлаждал кожу. Запах стали, смазки и пороха забивал обоняние. Сердце колотилось где-то в горле, дико и бешено. Дыхание стало хриплым, а вся вселенная сузилась до этого пятна холода под подбородком и до указательного пальца, лежащего на спусковой скобе. Его пальца или всё же моего?

«Сейчас. Разом. Всё кончится.» – проскочила его мысль.

«НЕЕЕТ!» – это был последний, беззвучный мой вопль. Я отчаянно пытался шевельнуть чем угодно. Хоть веком, хоть мизинцем. Лишь бы сорвать этот жуткий ритуал. Ничего не получалось.

Палец начал давить на спусковую скобу.

Время замедлилось и стало тягучим, как капля мёда. В этот момент я чувствовал каждое микроскопическое движение его мышц. Давление пальца нарастало и порог был близок.

И тогда в мою нынешнюю, парализованную реальность ворвался вихрь образов, звуков и запахов.

Дождь. Мелкий и противный. Я сидел за рулём нашей уже немолодой иномарки и скрипучие дворники еле успевали смахивать воду с ветрового стекла. Меня разбирала злоба. Мы с Аней снова поругались. Из-за денег, из-за работы, из-за того, что я опять задержался в кафе с друзьями. Она кричала, что я ни на что не годен. Я орал в ответ, что она меня душит и не даёт свободы. Последнее, что она мне сказала, перед тем, как замолчать, была фраза брошенная уже шёпотом, полным презрения.

– Ты хуже своего отца. Точь-в-точь. Такой же беспомощный. Только он лежачий инвалид, а ты мужик, полный сил.

В тот вечер мы ехали к родителям. На заднем сиденье в детском кресле сидела наша доченька – Катенька.

Последнее, что осталось с воспоминаниях – жёлтый свет фар встречной фуры и дикий визг тормозов, своих и чужих. Потом ощущение полёта и ощущения, как на американских горках. А затем наступила тишина. Глухая, давящая. И запах. Сладковатый, медный запах крови, смешанный с пылью от подушек безопасности и парами бензина.

Я пришёл в себя с сотрясением и сломанной ключицей. Пытался что-то кричать, но из горла вырвался лишь хрип. Руки не слушались.

Потом замигали синие огни, зазвучали голоса, меня вытащили из-за руля. Последнее, что я видел в тот вечер, это как санитар накрывал кого-то большим одеялом. Целиком. С головой.

Боль, острая и живая, как от удара ножом, пронзила моё настоящее. Вина. Та самая, что потом съела меня заживо. Я выжил, а их не стало. И всё по моей вине. Общество называло меня «пострадавшим в аварии», но я-то знал, кто я. Убийца.

Я отбывал пожизненное в своей квартире, в окружении их фотографий и своего отражения в зеркалах, которое я ненавидел. Я не мог есть, спать, дышать. В день рождения Кати, ровно через год после аварии, я тоже нашёл выход. Самый простой, самый подлый. Я повесился в гараже на ремне от своей же сумки. И думал, что на этом всё и кончится, что я отмучился.

Как же я ошибался.

Меня вернуло в реальность. Кабинет, кресло, холод ствола – всё вернулось с утроенной силой. Флешбэк длился какую-то микросекунду, а палец Артёма всё так же лежал на спуске, уже почти доведя его до конца.

И в этот миг я всё понял. Это не случайность, а наказание. За мою слабость, за то, что я отнял жизни у невинных и сбежал от расплаты. Мне не дали покоя. Мне дали вечное наказание. И теперь я должен становиться свидетелем. Свидетелем последних мгновений тех, кто, как и я, выбирает самый простой, самый эгоистичный выход. Должен чувствовать их страх, их отчаяние, их боль. И быть абсолютно беспомощным. Не иметь права голоса. Не иметь возможности остановить. Только наблюдать и проживать их последние мгновения. Снова и снова.

Это и был мой Ад. Более изощрённый, чем любое пламя.

Палец дожал спусковую скобу до конца.

Выстрела ни я, ни Артём не услышали. Ослепительная вспышка света, выжигающая сознание и последующее ощущение стремительного, неудержимого падения в чёрную, бездонную, абсолютно беззвучную пустоту.

А потом ничего.

Я существовал без тела и без чувств. В состоянии, похожем на глубокий обморок, но без потери осознания себя. Я был точкой. Точкой ужаса. Так прошло неизвестное количество времени. Может минута, а может год или век.

И вот внезапно – толчок. Рывок за шиворот в реальность.

Запах лекарств и старости. Тонкие, женские, костлявые руки передо мной. В них блистер с таблетками и стакан воды на столе. В голове роятся тихие, навязчивые мысли: «Всё болит Дети не звонят Обязанность Я им в тягость Пора Надо просто уснуть»

Я снова был в чужом теле. В чужой драме. Старая женщина, Екатерина Петровна, 78 лет. Множество различных заболеваний, одиночество, чувство собственной ненужности. Таблетки были сильным снотворным. Она аккуратно, трясущимися руками, высыпала их в ладонь. Я чувствовал, как её сердце бьётся неровно и часто, как подслеповатые глаза наполняются слезами. И снова я кричал внутри. И снова меня не было слышно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.